

Научная статья

УДК 94(47)084.3(571)

doi: 10.17223/19988613/80/2

Политическая роль иконы Святого Николая на Никольских воротах Московского Кремля в период революции и Гражданской войны

Вадим Викторович Журавлев

Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия, vvzh@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена реконструкции истории политического использования образа Николы Можайского с Никольской башни Московского Кремля в ноябре 1917 г – первой половине 1918 г. Этот образ сыграл особую роль в идеологическом оформлении антибольшевистского движения. Сформулирован вывод о «символическом конфликте» в Московском Кремле, достигшем пика в мае 1918 г. и послужившем семиотическим прообразом полномасштабной Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война, Святой Николай, патриарх Тихон, Колчак, идеология, православие, чудотворные иконы, политизация религии

Для цитирования: Журавлев В.В. Политическая роль иконы Святого Николая на Никольских воротах Московского Кремля в период революции и Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 16–27. doi: 10.17223/19988613/80/2

Original article

Political Role of the Icon of Saint Nicholas on the St. Nicholas Gate of the Moscow Kremlin in the Period of Revolution and Civil War

Vadim V. Zhuravlev

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, vvzh@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to reconstruct the roots, historical circumstances, and context of the transformation into a unique political symbol of one of the icons—the fresco of Saint Nicholas from the Moscow Kremlin Tower of St. Nicholas. The research is based on the materials of the media, diaries of contemporaries of the events, religious and historical-memorial literature of the 19th - early 20th centuries, as well as on the exhibits of state museums and private collections.

The article describes the circumstances that influenced the manufacture of the icon presented to Admiral Alexander Kolchak by Bishop Boris Shipulin in Perm on February 19, 1919. The origin and symbolic meaning of the iconographic version of St. Nicholas of Mozhaik are restored, and the changes in its status, associated with the memorialization of the events of the War of 1812, are traced. The history of the iconographic version of the Savior of Maloyaroslavets is analyzed, this being the first case when the damages from artillery and rifle fire were used as the most important part of the icon.

The events at the Moscow Kremlin in late October - early November 1917 and the public reaction to them are further traced, in particular, the preparation and publication of a popular brochure by Bishop Nestor Anisimov. The creation of a revolutionary necropolis on Red Square, the move of the Lenin's government to Moscow, and the official demonstrations of May 1, 1918, transformed the symbolism of the Kremlin. The reaction to this was the “miracle on Red Square” - the release of the icon of St. Nicholas from the red banner covering it, and the public veneration of this icon. This event was reinforced in public opinion by the grandiose Orthodox religious processions led by Patriarch Tikhon on May 22, 1918.

The conclusion is made that the conflict of the two sacred systems (traditional and revolutionary) made the Moscow Kremlin a space of special symbolic tension. The confrontation on Red Square between the demonstration on May 1 and the “miracle of the cloth” became a kind of “symbolic rehearsal” of the full-scale civil war. These events placed the icon of St. Nicholas in an exceptional position among other secular and ecclesiastical objects damaged during the October Revolution. The damage to this fresco was interpreted by the leaders of the Orthodox Church as a self-sufficient symbol of the whole damage caused by the revolution, and the release of the icon from the red cloth was interpreted as a prophesy of the fall of Bolshevik power. As a consequence, the idea of making a copy-icon depicting the marks of rifle fire was born.

Keywords: Civil War, Saint Nicholas, Patriarch Tikhon, Kolchak, ideology, Orthodoxy, wonderworking icons, politicization of religion

For citation: Zhuravlev, V.V. (2022) Political Role of the Icon of Saint Nicholas on the St. Nicholas Gate of the Moscow Kremlin in the Period of Revolution and Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 16–27. doi: 10.17223/19988613/80/2

Несколько лет назад, формулируя выводы одной из своих статей, я отметил, что «политическую историю России как революционной, так и послереволюционной эпох невозможно понять без реконструкции сложных, разновекторных взаимодействий между элитарными и массовыми представлениями, между “профанными” и “сакральными” смыслами, между религиозной и политической культурой российского общества» [1. С. 69]. Этот комплекс антагонизмов позволяет увидеть задаваемые ими пространства представлений, смыслов и культурных значений как одновременно и разнородные, и сопряженные друг с другом.

Проводя скрупулезное исследование в рамках одного из этих пространств, анализируя и реконструируя политическую культуру широких слоев российского населения в 1917 г., Б.И. Колоницкий прозорливо отметил, что в России в эпоху революции «обратной стороной политизации религиозной жизни стала сакрализация политики» [2. С. 85–86]. Переводя этот тезис на актуальный философский язык [3], можно сказать следующим образом: (1) *политизация религиозного* и (2) *сакрализация политического* представляются двумя сторонами единого процесса, по крайней мере для данного времени и места.

Однако если изучение последней из вышеупомянутых «двух сторон» в историографии расширяется и набирает глубину (исследователи охотно рассматривают политическую *мифологию*, революционные *ритуалы*, коммунистическую *агиографию*, говорят о *сектантской* политической традиции большевиков, о *культax* политических лидеров революционной эпохи и т.п.), то первая, а именно феномен мощнейшей, почти тотальной политизации религиозной жизни, пока изучен совершенно недостаточно. Истории «политических культов» в России эпохи 1917–1922 гг. еще только предстоит быть написанной, и она требует обращения к непривычным для историографии Гражданской войны предметам исследования, привлечения нестандартной, доселе не освоенной источниковой базы, вооружения взгляда оптикой, которая может показаться чуждой для традиционной политической истории. Однако такая «перемена взгляда», привлечение, к примеру, микроисторического или искусствоведческого инструментария, может оказаться и более чем оправданной. Обратимся к конкретному «случаю».

19 февраля 1919 г. Верховный Правитель адмирал А.В. Колчак прибыл в Пермь. Посещение этого города, за два месяца до того взятого войсками «белой» Сибирской армии, должно было явиться кульминационным событием большой, длительностью в две с половиной недели, поездки главы контрреволюционного режима по прифронтовым районам. Сценарий турне, задуманного как масштабная репрезентация колчаковской власти российскому обществу и состоявшего из череды символических действий, продумывался весьма тщательно [4. С. 113–114].

Прибыв в Пермь, А.В. Колчак в первую очередь направился в главный городской храм – Спасо-Преображенский собор, где был встречен управляющим Пермской епархией епископом Борисом (Шипулиным) [5. 19 фев.]. Репортер местной газеты «Освобождение России» описывал происшедшее в соборе следующим образом: «С вокзала Верховный Правитель, в сопровождении командира 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта Пепеляева и лиц свиты, в десять утра проследовал в кафедральный собор, куда к этому времени прибыло духовенство всех местных городских церквей во главе с управляющим Пермской епархией преосвященным епископом Борисом и многочисленные граждане. На паперти собора Верховного Правителя приветствовали адресом и поднесением хлеба-соли представители всех пермских приходских советов. При входе Верховного Правителя в собор из алтаря последнего навстречу ему вышел целый сонм священнослужителей, длинною золотистою лентою занявших все место от входных дверей собора до самого алтаря». Далее приводился полный текст достаточно пространной приветственной речи епископа Бориса, завершавшейся следующим пассажем: «В знак молитвенного нашего с Вами общения и в молитвенную память о нас позвольте поднести Вам, Ваше Высокопревосходительство, по русскому обычаю, кроме хлеба-соли, Святую икону Великого угодника Божия Николая Чудотворца, Покровителя плавающих и путешествующих. Образ этот, не блещущий богатством украшений, представляет точный снимок с чудотворного лика Чудотворца на Никольских вратах Священного Кремля, который сохранился невредимым в великую Отечественную войну 1812 г., но который не пощадила рука предателей Родины... Да будет образ этот Вашим защитником и покровителем и в Ваших ратных подвигах, и в Ваших делах государственного строительства». Далее журналист добавил: «С последними словами епископ благословил Верховного Правителя Св[ятую] иконою» [Там же. 20 фев.].

Этой своеобразной иконе, – копии поврежденного образа святого Николая с Никольской башни Московского Кремля, – предстояло стать важнейшим артефактом своего рода *контрреволюционного политического культа* и занять в этом качестве заметное место в формирующейся идеологической системе антибольшевистского движения на востоке страны. Реконструкции предыстории и контекста новой, политической роли данного образа св. Николая посвящена эта статья.

Итак, епископ Борис в своей характеристике иконы, врученной А.В. Колчаку, отталкивался от упоминания «лика Чудотворца на Никольских вратах Священного Кремля». В 1491–1492 гг., в ходе реконструкции Московского Кремля, проводившейся Иваном III, в числе прочих построек была возведена новая башня, расположенная «у Никольских ворот» [7. С. 31]. Сооружение было названо Никольской башней по

имени Никольской улицы, в свою очередь, именовавшейся так вследствие того, что на противоположном Кремлю конце этой улицы размещалась одна из древнейших московских обителей – основанный не позднее конца XIV в. монастырь Николы Старого.

В начале XVI в., а возможно, и ранее, в нише над воротами башни был размещен стенописный образ (фреска) святого Николая Чудотворца [7. С. 167]. В середине XVII в. сирийский путешественник Павел Алеппский так описывал эту икону: «На вторых воротах снаружи образ святого Николая, который держит в правой руке обнаженный меч, а в левой этот город, так как он избавил его от злобы неверного Тамерлана, о чем мы потом расскажем. Эти ворота называются “Никольска фрата”, то есть ворота святого Николая» [8. С. 401]. Изображение этой фрески относят к известному иконографическому изводу «Николы-с-мечем-и-градом», или «Николы Можайского».

Т.Н. Нечаева так характеризует данный извод: «В иконах этого типа святой представлен не с книгой и платом, а с мечом и храмом в разведенных руках. Прототипом этого образа считается статуя св. Николая, установленная на городских воротах или в городском соборе Можайска. Чудо от этого образа, послужившее спасению города от вражеской рати, положило начало его прославлению и распространению его изображений. Древнюю можайскую святыню исследователи датируют XIV в. В архаических формах скульптуры много от романского искусства, к которому она, видимо, и восходит» [9. С. 138] (см. также: [10]).

Происхождение можайского прототипа реконструируется следующим образом: «Скульптура св. Николы из Можайска <...> изображающая Николая Чудотворца с мечом и храмом в руках, признана работой сербского мастера конца XIV в., ориентированной на киотную статую из сокровищницы чудотворца в Бари. В ее стилистике отразилось влияние совмещенных романской и готической традиций. Ее появление на Руси А.В. Рындина (см.: [11]) связывает с привозом копии скульптуры и вложенной в нее частицы мощей св. Николы из Бари в Можайск при московском митрополите Киприане (1390–1406). Предположительно в 1409 г. скульптура Николы была размещена в глубокой нише “на вратех” Можайска (на стене деревянной воротной башни) по аналогии со скульптурой святого в барийской базилике» [12].

Что касается «меча и града», эти атрибуты, вероятно, восходят к символике акафиста Николаю Чудотворцу, написанному в XIV в. патриархом Константинопольским Исидором Вухиром, и не позднее XV в. переведенном на славянский язык [13. С. 445–447; 14]. В тексте акафиста присутствуют следующие возгласания (хайретизмы): «радуйся, верных прибежища граде» (по-русски: «радуйся, город убежища верным», икос 2), «радуйся, мечу, посещающий злочестие» («радуйся, меч, истребляющий нечестие», икос 9) (русский перевод см.: [15]).

Икона была популярна, как писал С.П. Бартенев, «в старину имела в московской жизни особое значение... перед иконой его в кремлевских воротах в спорных делах, часто возникавших у ворот на торговой

площади, целовали крест и давали Святителя на поруки» [7. С. 171].

Далее епископ Борис посчитал необходимым упомянуть *невредимость* иконы во время Отечественной войны 1812 г. Действительно, еще большей известности иконы и особой окраске ее восприятия способствовали события наполеоновского нашествия. Никольская башня, наряду со многими кремлевскими сооружениями, пострадала при попытке взорвать Кремль, произведенной отступавшими из Москвы французскими войсками 11 октября 1812 г.: обрушился шатер, была разрушена и часть ворот, однако фреска оказалась неповрежденной [Там же. С. 84, 173–174].

Уже 30 августа 1813 г. на это обстоятельство как на чудо указывал правивший в то время московский архиепиепископ Августин (Виноградский): «Образ... и стекло, покрывавшее лик угодника сего, нимало не потеряли повреждения» [Там же. С. 173–174].

В 1817 г. по повелению Александра I на башне была установлена мраморная памятная доска с текстом: «В 1812-го года во время непріятельскаго нашествіа, твердыня сіа почти вса была разрушена подрывом непріятеля; но чудесною силою Божією сватый образъ Великаго угодника Божіа, святителя Николаа, здѣ начертанный на самомъ камени, и нетолко самый образъ но и самое стекло прикрывавыее оный и фанарь со свѣщю остались невредимыми. — кто Бгѣ велій ако Бгѣ наш; ты еси Бгѣ, творай чѣдеса, дивень Бгѣ во стѣх своих» [Там же. С. 174].

В ходе восстановления и реконструкции *все повреждения башни были устранены*, а икона Николая Чудотворца заключена в готическую белокаменную декорацию: справа и слева от рамы на поверхности стены были написаны изображения двух ангелов, поддерживающих и защищающих икону. Весь символический комплекс Никольской башни отныне был призван демонстрировать идею *невредимости* России под Божественной защитой.

В 1821 г. слева от Никольской баши была построена одноглавая часовня во имя Николая Чудотворца, позднее реконструированная в камне, а в 1883–1886 гг. капитально перестроенная. В так называемом «списке Бохума» указано, что «в часовне был поставлен список с иконы св. Николая над воротами». Сохранился ли этот список или его фотографии, неизвестно. Часовня находилась в ведении клира Казанского собора на Красной площади, в обязанности настоятеля часовни входил уход за неугасимой лампадой надвратной иконы св. Николая [16. С. 107–108].

Важно отметить, что имела и другая икона, пострадавшая во время событий Отечественной войны, чья мемориальная трактовка была реализована одновременно и сходно, и примечательным образом отлично. Речь идет о надвратной стенописной иконе Нерукотворного Спаса, размещенной на Святых вратах Никольского Черноостровского монастыря в городе Малоярославце.

В ходе сражения при Малоярославце одним из решающих событий были бои на Соборной площади перед воротами Черноостровского монастыря. Ворота были изрешечены шрапнелью и пулями. Фреска Неру-

котовного Спаса также была задета осколками, однако повреждения коснулись только плата-убруса, а лик Спасителя не пострадал.

После войны, в ходе восстановления монастыря, следы шрапнели на воротах были по личному распоряжению Николая I тщательно сохранены: «...велено сии св[ятые] врата обители оставить неприкосновенными в память сражения 12 октября» [17. С. 63]. Для того чтобы подчеркнуть *сохраненные повреждения* (курсив наш. – В.Ж.) на воротах, в конце 1830-х гг. была установлена мраморная доска с надписью: «Язвы в память французской войны» [18. С. 101]. В 1912 г. калужский краевед свидетельствовал: «...следы их (выстрелов. – В.Ж.) до сих пор сохраняются на стенах Св[ятых] ворот, как память о сражении» [19. С. 15]. Ритуально память реализовывалась тем, что «каждого 13-го октября священнослужители и молящиеся миряне отправляются с крестным ходом к святым монастырским воротам, где изливают свои души в благодарственным молебствии за свое освобождение» [17. С. 64].

Что же касается иконы, то мы располагаем суждением автора первого очерка истории Черноостровского монастыря иеромонаха Леонида (Кавелина), который в 1863 г. (по итогам только что минувшего полувекового юбилея событий) приводил следующее истолкование сохранности иконы, видимо, бывшее к этому времени уже распространенным: «Все вокруг него (образа Спаса. – В.Ж.) изъязвлено картечными и ружейными пулями, но ни одна из них не коснулась Божественного изображения, *как бы в знамение* (курсив наш. – В.Ж.) того, что Спаситель рода человеческого обратил лицо Свое в день брани к нам, уповающим на милость Его, и сокрушал мышцы на ся уповающих» [Там же. С. 63].

На восстановленной фреске «знаки от ударов свинца и чугуна» также были сохранены натурально. Таких следов там 23, при этом 21 на убрусе и два на золотом фоне иконы. Значение, которое придавалось этому памятнику, привело к тому, что с данной иконы стали создаваться списки. Эти списки, вопреки тысячелетней традиции православной иконописи, содержали *изображения повреждений, нанесенных протографу*, причем эти повреждения и составляли главную смысловую специфику, содержательную нагрузку данного иконописного извода.

Первый известный из таких списков датируется «первой четвертью XIX века» и представляет собой предельно простое воспроизведение образа Спаса Нерукотворного с 28 следами осколков, пробивших плат. По утверждению коллекционера, в это время была изготовлена целая «партия подобных икон – списков чудотворного надвратного образа» [20].

Позже (около 1862 г., но возможно — ближе к началу XX в.) был изготовлен (скорее всего, литографическим способом) как минимум еще один образ Нерукотворного Спаса с прорисованными следами шрапнели (7 следов на убрусе, на фоне – 27), сопровождаемый следующими текстами: «Гди во свѣтъ лица твоего! пойдемъ I w имене твоёмъ возрадуемса весь день Видѣша вси концы земли спасение Бѣа нашего. Благо-

словляйте има его Воспойте гдѣви пѣснь нову ѡкн дивна сотвори Гдѣ царствует во вѣки» (сверху) и «Образ Лица Спасителя, что над вратами Малоярославского Черноостровского Монастыря, откуда 1812 года Октября 12-го дня, при кровопролитном сражении, Российский вождь Михаил Илларионович Кутузов обратил Французов в постыдное бегство по разоренной Смоленской дороге. Божественный Лик, сохранившийся от стрел вражиих чудодейственно [далее полстроки поврежденного текста] мужество и доблесть» (снизу).

События 1812 г., в том числе их религиозные аспекты, были вновь актуализированы в российском общественном сознании официальными юбилейными торжествами 1912 г., с размахом отмечавшимися по всей империи, но прежде всего в Москве и ее окрестностях [21–23]. Заметным центром юбилейных торжеств был и город Малоярославец Калужской губернии [19, 24, 25]. Отметим, что епископ Тихон (Никаноров), в 1912 г. бывший епископом Калужским и Боровским и участвовавший во всех юбилейных мероприятиях в Малоярославце, в 1917–1918 гг. был членом Всероссийского Собора.

С высокой степенью вероятности можно предполагать, что оба рассмотренных выше прецедента – кремлевский и малоярославецкий – сыграли существенную роль в послереволюционной судьбе образа святого Николая с Никольской башни.

Взятие государственной власти большевистской партией в октябре 1917 г. в Петрограде произошло без существенного сопротивления. Попытки противодействовать восставшим в Петрограде и его окрестностях оказались бесплодны. Однако события во второй столице – Москве – носили иной характер, они подробно описаны как в советской, так и в постсоветской литературе [26–30]. Там под руководством Комитета общественной безопасности и с опорой на юнкерские училища было организовано полномасштабное вооруженное сопротивление. Город оказался охвачен боевыми действиями, продолжавшимися с 27 октября (9 ноября) по 3 (16) ноября 1917 г. Кульминацией этих событий стали бои за Московский Кремль, сопровождавшиеся с обеих сторон использованием пулеметов и артиллерии и приведшие к многочисленным людским потерям и серьезным повреждениям многих архитектурных сооружений исторической крепости. В частности, около 3 часов дня 2 (15) ноября 1917 г. «орудия, установленные на Никольской ул. <...> прямой наводкой били по Никольским воротам Кремля» [26. С. 407]. На рассвете 3 (16) ноября 1917 г. в Кремль вошли войска, подчинявшиеся большевистскому Московскому военно-революционному комитету [26. С. 407; 28. С. 25; 31. С. 271].

Еще в ходе событий как сам факт боевых действий вокруг Кремля, так и нанесенный в их ходе кремлевскими сооружениями ущерб воспринимались общественным сознанием совершенно особым образом.

Дж. Рид в своей книге так передавал слышанные им разговоры: «“Они бомбардируют Кремль!” Эта новость почти с ужасом передавалась на петроградских улицах из уст в уста. Приезжие из “матушки Москвы белокаменной” рассказывали страшные вещи.

Тысячи людей убиты. Тверская и Кузнецкий в пламени, храм Василия Блаженного превращен в дымящиеся развалины, Успенский собор рассыпается в прах, Спасские ворота Кремля вот-вот обрушатся, дума сожжена дотла». И далее резюмировал производимое этими известиями впечатление: «Набожным людям слышался гром пушек, палящих прямо в лицо святой православной церкви и разбивающих вдребезги святая святых русской нации» [32. С. 203].

Эти и подобные им смутные и преувеличенные свидетельства, полученные в Петрограде, 2 (15) ноября 1917 г. вызвали заявление об отставке народного комиссара просвещения А.Б. Луначарского, впрочем, вскоре отозванное [32. С. 203–204]. 8 (21) ноября 1917 г. заседавшим в эти дни в Московском епархиальном доме в Лиховом переулке Поместным собором Православной Российской церкви была создана специальная комиссия для фотографирования и документального описания повреждений кремлевских святынь и памятников. В состав комиссии вошли: председатель – митрополит Петроградский Вениамин (Казанский), члены – епископ Камчатский и Петропавловский Нестор (Анисимов), священник Сергей Верховский, М.Ф. Глаголев, А.И. Июдин, прапорщик В.Ф. Калиманов, В.В. Успенский, П.И. Уткин [33. С. 122].

14 (27)–17 (30) ноября члены комиссии произвели осмотр кремлевских сооружений и составили соответствующий акт, а 29 ноября (12 декабря) соборному совету был представлен доклад, к которому прилагалось 57 фотографий «...с внутренних и внешних повреждений Успенского собора, Гостунского собора, Патриаршей ризницы, Церкви 12-ти Апостолов, Чудова и Вознесенского монастырей, Петро-Павловской церкви внутри Николаевского дворца, с образов Николая Чудотворца». Данные фотографии были изготовлены кем-то из сотрудников известного московского фотоателя П.П. Павлова, возможно, сыном владельца Е.П. Павловым [34. С. 10]. Впрочем, идея фотографического, как наиболее объективного, документирования охватила в те дни не только участников Собора, но и многих жителей Москвы, результатом чего явились многочисленные фотофиксации кремлевских повреждений.

На основе доклада соборной комиссии и фотографий епископ Нестор (Анисимов) за неделю подготовил текст брошюры «для широкого распространения в народе», одобренный комиссией 8 (21) декабря. В определении комиссии говорилось: «Признавая составленную брошюру во всем отвечающей действительности, всецело соответствующей фактической стороне составленного комиссией акта, притом изложенной в доступной для народа форме, а также признавая чрезвычайную важность немедленного же опубликования в широких народных массах сведений о повреждениях русской святыни – Кремлевских Соборов, комиссия просит Священный Собор преподать свое соборное благословение на напечатание таковой брошюры с воспроизведением в ней фотографий Кремлевских разрушений». 11 (24) декабря 1917 г. специальным постановлением собора брошюра под названием «Расстрел Московского Кремля» была одобрена к публикации [35. С. 7].

Текст брошюры, сыгравшей немаловажную роль в оформлении идеологом еще только зарождавшегося антибольшевистского движения, имел следующую структуру. Первая часть представляла собой воспоминания автора об обстановке в Москве во время боевых действий. Также она содержала религиозную и нравственную оценку действий «красных»: «Виновники, в безумной ярости разрушавшие святыни, в ужасе затворили кремлевские ворота и скрыли Кремль от взоров, справедливо боясь народного гнева» [Там же. С. 17]. Далее следуют разделы, посвященные десяти наиболее пострадавшим строениям Кремля: Успенскому собору, Чудову монастырю, колокольне Ивана Великого, Николо-Гостунскому собору, Благовещенскому собору, Архангельскому собору, Патриаршей ризнице, Собору Двенадцати Апостолов, Малому Николаевскому дворцу, Зданию судебных установлений. Последний, одиннадцатый, раздел посвящен пяти кремлевским башням, перечисленным в следующем порядке: Беклемишевская, Троицкая, Кутафья, Никольская, Спасская.

Заключительные восемь абзацев, завершающие брошюру, носили идеологический и отчасти даже общеполитический характер: «Увы, безумная стратегия становится характерной для всех представителей самозванного правительства, и то же, что они сделали с Кремлем, делают ныне со всей Россией, разыскивая в ней орудиями смерти врагов своих бредовых утопий <...> Хочется верить, что если это были русские люди, то <...> ими руководили враги России <...> Позор этот может загладиться лишь тогда, когда вся Россия опомнится от своего безумия <...>» [Там же. С. 28].

Рассмотрим подробнее текст, описывающий состояние Никольской башни и ее иконы. Это один абзац, состоящий из шести предложений: «На Никольской башне, которую разбили в 1812 г. французы, образ Святителя Николая, оставшийся невредимым от французского нашествия, ныне подвергся грубому расстрелу. Как Никольская башня, так и Никольские ворота совершенно изрыты снарядами, пулеметами, ручными гранатами и ружейными пулями. Совершенно уничтожен киот, прикрывающий икону Св. Николая, сень над иконой сбита и держится на одном гвозде. С одной стороны изображение Ангела сбито, а с другой прострелено. Среди этого разрушения образ Св. Николая уцелел, но вокруг головы и плеч святителя сплошной узор пулевых ран. При первом взгляде кажется, что иконы нет, но, всматриваясь внимательнее, сквозь пыль и сор вырисовывается сначала строгое лицо Святителя Николая, и в правом виске видна рана, а затем становится яснее и весь этот чудотворный образ – стена и ограждение Священного Кремля» [Там же. С. 22]. Здесь необходимо отметить отсылку к истории войны 1812 г., детальное описание разрушений внешнего антуража образа – киота, сени, изображений ангелов, указание на сохранность образа «среди разрушения», дважды повторенный термин «рана» по отношению к следам выстрелов, эпитет «стена и ограждение», соотнесение образа иконы одной из башен со всем Кремлем как единым целым.

При всем этом в тексте брошюры Никольская башня никак особо не выделена. Текст, посвященный ей,

находится в ряду других описаний. То же можно сказать и о надвратной иконе Никольской башни. Всего в тексте брошюры «поименно» упомянуто как минимум восемь икон, а также говорится о «многих иконах», посеченных осколками и расхищенных в ходе октябрьско-ноябрьских событий. Более того, при описании покоев митрополита Петроградского Вениамина (Казанского) в Чудовом монастыре приводится следующее свидетельство: «В одной комнате снаряд пробил огромной толщины оконный откос и разрушил вплоть до стоящей рядом иконы Богоматери всю стену, а икона со стеклом и с висящей возле нее лампадой осталась невредима» [35. С. 18]. Более точно в докладе Комиссии Поместного Собора от 1 ноября: «...выбито совершенно стекло у иконы, но на самой иконе с висящей перед ней лампадой не оказалось ни малейшего следа повреждений» [28. С. 78]. Судя по фотографии, речь шла о богородичной иконе извода «Аз есмь с вами» работы начала XX в. Тем не менее мотив чудесного сохранения святыни связан не с этим образом.

Во второй половине декабря 1917 г. по ст. ст. брошюра Нестора, включившая 28 фотоиллюстраций, в том числе фотографию надвратного образа с Никольской башни, была напечатана в московской типографии «Общественная польза» тиражом 10 тыс. экземпляров. Восемь тысяч из них сразу же были изъяты и уничтожены новыми властями [36. С. 88]. Впрочем, последнее не слишком повредило общественному воздействию текста брошюры и тем более самого факта обстрела Московского Кремля.

Новые власти в определенной степени осознавали негативное воздействие, которое оказывал на их репутацию сам факт кремлевских разрушений. Противодействие этому впечатлению производилось двумя способами: во-первых, проведением элементарных (по обстоятельствам времени и возможностям) ремонтно-восстановительных работ и, во-вторых, символическим «освоением» территории Кремля, насыщением его новой, революционной сакральностью.

Что касается первого способа, то 13 (26) ноября 1917 г. Московским военно-революционным комитетом был назначен специальный комиссар по охране памятников старины, а через три дня Московским советом была сформирована Комиссия по охране памятников искусства и старины [37. С. 20, 22]. Уже в своей брошюре Нестор (Анисимов) не смог не упомянуть о факте проведения новыми властями в самые первые послереволюционные недели работ, направленных на ликвидацию наиболее вопиющих из ноябрьских разрушений. «Я видел Кремль, еще когда <...> стены храмов, пробитые снарядами, рассыпались <...>. Сейчас же эти раны чьей-то сердобольной, заботливой рукой по мере возможности <...> защиты досками, покрыты железом, чтобы зимнее ненастье не влияло на эти разрушения еще более» [35. С. 23]. В январе 1918 г. Совнарком по ходатайству Комиссии по охране памятников Моссовета выделил на реставрацию Кремля 450 тыс. руб. [38. С. 22].

Другое направление деятельности – революционная ресакрализация Кремля, получило свое начало 7 (20) ноября 1917 г., когда Московский военно-рево-

люционный комитет постановил: «Устроить братскую могилу на Красной площади между Никольскими и Троицкими (ошибка в документе, надо – Спасскими. – В.Ж.) воротами вдоль стены. Похороны назначить на пятницу, 10 [23] ноября, в 12 час. дня» [39. С. 35].

8 ноября между Кремлевской стеной и проходившими тогда вдоль нее трамвайными рельсами начали рыть две братские могилы — от Никольской башни до Сенатской и от Сенатской до Спасской. 10 (23) ноября 1917 г. здесь состоялись похороны участников октябрьского вооруженного восстания в Москве.

Дж. Рид приводил в своей книге слова активиста, руководившего рытьем могил у кремлевской стены: «Это братская могила, завтра мы похороним здесь пятьсот пролетариев, павших за революцию <...> Здесь, в этом священном месте, самом священном во всей России, похороним мы наших святых» [32. С. 211] (об этих похоронах см. также: [40. С. 208]).

В начале марта н. ст. встал вопрос о переносе резиденции Рабоче-крестьянского правительства в Москву. Характерно, что это решение, вызванное военно-стратегическими соображениями, сразу же вызвало обсуждение вопросов политического символизма. По воспоминаниям Л.Д. Троцкого, «вопрос о переезде правительства в Москву вызвал немалые трения». Одним из аргументов противников переноса резиденции был следующий: «Смольный-де стал синонимом Советской власти, а теперь его предлагают ликвидировать и пр. и пр.». По его словам, «Ленин буквально из себя выходил, отвечая на эти соображения: “Можно ли такими сентиментальными пустяками загораживать вопрос о судьбе революции? <...> Что вы калякаете о символическом значении Смольного?! Смольный – потому Смольный, что мы в Смольном. А будем в Кремле, и вся ваша символика перейдет к Кремлю”» [41. С. 217]. 11 марта 1918 г. Совет народных комиссаров переехал из Петрограда в Москву, но «прикладным» и «материалистическим» подходом действия новых властей применительно к символике Кремля не ограничивались.

Действительно, символическое значение Кремля и Красной площади существенно изменялось: из чисто исторического и религиозного символа он превращался в символ новой, революционной власти. В этих условиях первое государственное празднование «Дня Интернационала» (официально установленное название) 1 мая н. ст. в Москве обрело особое политическое значение. «Уже с начала апреля 1918 г. в советской России началась организация предстоящего празднования 1 мая, которое должно было отмечаться как событие общегосударственного масштаба» [42. С. 30].

Причем важно, что «первомайская демонстрация 1918 г. на Красной площади была <...> не столько праздничной, сколько торжественно-траурной» [39. С. 38]. В плане предстоящих торжеств, разработанном специальной комиссией Московского совета, указывалось: «При вступлении на Красную площадь пение умолкает, оркестр играет “Интернационал” и революционные марши. Процессии, проходя Братские могилы, салютуют (склоняют) знамена...»

Проект первомайского оформления Красной площади 1918 г. был разработан архитекторами А.А. и

В.А. Весниными, «стремившимися отразить и триумф пролетарской революции, и скорбь о павших» [39. С. 40]. Главным способом торжественного украшения Кремля были избраны красные, с добавлением черного, флаги и полотнища. «Известия ВЦИК» так описывали декорированный Кремль: «Подъезды (к Кремлю. – В.Ж.) украшаются зеленью и растениями. Здания, пострадавшие во время Октябрьской революции, драпируются с таким расчетом, чтобы закрыть разрушенные части. <...> Круглая Кутафья башня обвита кругом драпировкой из красной материи. Тут же плакаты с лозунгами: “Да здравствует всемирная Республика!” и др. По обе стороны башни два стяга с художественными изображениями. Далее по мосту два ряда флагов. Декорация Троицкой башни особенно величественна: с четырех сторон опускаются большие декоративные полотнища с лозунгами. В середине – большая художественная картина-панно, изображающая красного ангела с крыльями в отдалении в лучезарных тонах, на голубом фоне изображена эмблема социализма. <...> Художественно убрано здание [В]ЦИК (здание судебных установлений): оно как бы пылает в огне красной материи. <...> Государственные гербы и царские эмблемы замаскированы красной материей, на фоне которой художественно изображены эмблемы новой России» [38. 1 мая]. «...Кремлевская стена от Никольских до Спасских ворот увешана флагами» [Там же. 3 мая]. Проектом предусматривалось, в частности, затянуть кумачовыми полотнищами и иконы на кремлевских башнях. Что касается конкретно образа над Никольскими воротами, то, согласно заметке журналиста газеты «Наше слово», он «был закрыт футуристическим первомайским плакатом с надписью “Да здравствует интернационал”» [43. 15 (2) мая; цит. по: 44]. Реализация проекта нового убранства Кремля была поручена драпировщикам Кулагину, Тихомирову, Шмелеву при участии бригады учащихся бывшего Строгановского училища и представителей художественной секции московского Пролеткульта [45].

То, как этот инновационный дизайн воспринимался антибольшевистски настроенной частью населения, видно из записей в дневнике директора Оружейной палаты Ю.В. Арсеньева: «17 апреля [30 апреля н. ст.] <...> Сегодня в городе идут усиленные приготовления к завтрашнему революционному безбожному празднику. Даже наш древний священный Кремль не избег поругания: на Красной площади Спасские и Никольские ворота завешаны громадными красными знаменами, которые закрывают и чтимые святые иконы. <...> В Кремле наша Троицкая башня и Кутафья также не избегли красных хоругвей и драпировок» [46].

7 (21) апреля 1918 г. Поместный Собор отреагировал на большевистскую «ресакрализацию» Кремля следующим постановлением: «Всероссийский священный собор Православной церкви, осведомившись о намерении Совета народных комиссаров устроить в день 1 мая нового стиля политическое торжество с шествием по улицам в сопровождении оркестром музыки, напоминает верующим, что означенный день совпадает с Великою Средою. В скорбные дни Страстной Седмицы всякие шумные празднества и

уличные шествия, независимо от того, кем и по какому случаю они устраиваются, должны рассматриваться как тяжелое оскорбление, нанесенное религиозному чувству православного народа. Посему, призывая всех верных сынов Православной церкви в упомянутый день наполнить храмы, Собор предостерегает их против какого-либо участия в означенном торжестве» [47. 8 (21) апреля; цит. по: 44].

Совет народных комиссаров отозвался распоряжением о сокращении пасхальных нерабочих дней до пяти, но все же легализовал праздник и облегчил для верующих доступ к кремлевским святыням [48. С. 68]. Тем не менее обстановка зримо нагнеталась, и назревала какая-то разрядка.

Первомайские манифестации были запланированы как состоящие из двух частей: политической – на Красной площади, перед революционным некрополем, и военной – на Ходынском поле. Отсутствие опыта организации подобных мероприятий явным образом сказывалось, и первая часть торжества существенно затянулась: прибывшие к Кремлю рабочие и красноармейские колонны не спеша проходили одна за другой. Парад «открылся почти на два часа позже, чем предполагалось. Произошло это потому, что отдельные части шли из районов вместе с рабочими и запоздали в своем шествии на Ходынку». Официальной газете приходилось опровергать тут же возникшие слухи, некомплиментарные для наркомвоенмора, и подчеркивать, что «в происшедшем запоздании тов. Троцкий ни с какой стороны не повинен» [38. 3 мая].

Однако это была не единственная «накладка» Дня Интернационала. В наиболее краткой форме происшествие изложил сотрудник Исторического музея А.В. Орешников: «Плакат, которым был завешен образ (св. Николая на Никольских воротах. – В.Ж.), ветром или от иных причин сорвало; явилось в глазах народа чудо; служили молебен; когда я собирался уходить, слышен был выстрел, площадь от народа очистили» [49]. Об этом происшествии мы имеем целый ряд свидетельств, впрочем, весьма специфических. Ни одного текста, атрибутируемого непосредственному свидетелю, нам не известно. Всего мы располагаем 19 текстами, в которых так или иначе описано или упомянуто «чудо с полотнищем». Из них семь – свидетельства современников, записанные либо на следующий день, либо спустя два-три дня, пять – газетные публикации, отделенные от события самое позднее на три недели, три – тексты, опубликованные в Сибири в 1919 г., четыре – мемуарные фрагменты, написанные спустя годы, а иногда и десятилетия после событий мая 1918 г.

Наиболее обстоятельным из дневниковых свидетельств является запись писателя А.М. Ремизова. Под заголовком «1 мая», но явно на несколько дней позже, он записал: «В связи с первомайским торжеством в Москве произошли следующие осложнения на религиозной почве. <...> Еще накануне 1-го мая, когда красной материей затягивались иконы на Никольских и Спасских воротах, произошло волнение среди собравшегося народа. Была послана депутация к патриарху. По предложению [члена Собора Н.Д.] Кузнецо-

ва, по телефону сообщили об этом управляющему делами Совета [народных комиссаров В.Д.] Бонч-Бруевичу. Тогда же Бонч-Бруевич обещал сделать немедленное распоряжение, чтобы иконы не затягивались материей».

Далее он сообщал: «Неизвестно, явилось ли это следствием распоряжения Бонч-Бруевича или в данном случае сыграл свою естественную роль громадный гвоздь, вбитый в кремлевскую стену около иконы, но уже 1-го мая красное полотнище было прорвано именно в том самом месте, где находится лик Святителя Николая. Вчера (видимо, имеется в виду 2 мая н. ст. 1918 г. – В.Ж.) утром ветром завеса была разорвана пополам, так что ее нижняя часть отпала от верхней» [50].

Секретарь Московского религиозно-философского общества С.Н. Дурылин 11 мая под заголовком «О чуде св. Николая» записал в дневник следующее: «Просветлела икона. Разодрано на мелкие клоки красное полотнище, накрывавшее икону». Далее он сообщал о разговорах о происшедшем с разными лицами: так, профессор богословия Московского университета и настоятель университетской церкви о. Николай Боголюбский, судя по всему, скептически отнесся к происшествию и не считал его за чудо, уполномоченный Поместного Собора по сношениям с советскими властями Н.Д. Кузнецов, напротив, с удовольствием рассказывал о событиях и говорил, что его «осаждают свидетели чуда», а епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский) говорил о необходимости устроить к Никольским воротам крестный ход [51].

Пожелание, высказанное епископом Феодором, но явно разделявшееся не только им, было услышано.

9 (22) мая газета «Свобода России» опубликовала написанный накануне материал под названием «Беседа с патриархом Тихоном». В ней, со слов представителей делегации, прибывшей из Петрограда, сообщалось высказывание патриарха Тихона. «По словам Патриарха, случай с разорванным полотнищем над Никольскими воротами, которым был закрыт чудотворный образ Николая Угодника, произвел необычайное впечатление на православное население Москвы. Много кусков материи выпало, и они взяты Богомольными москвичами. До сих пор у образа Святителя Николая толпится множество народа, и по просьбам различных делегаций Патриарх дал разрешение на устройство сегодня, 9 мая [ст. ст.], крестного хода к Никольским воротам» [52. 22 (9) мая].

8 (21) мая 1918 г. патриарх Тихон издал специальное обращение: «9 сего мая с Нашего благословения состоится торжественный крестный ход и всенародное молебствие у Никольских ворот перед иконою Святителя и Чудотворца Николая, ныне, как и встарь, дивно охраняемую Промыслом Божиим в настоящие дни скорби и смуты. Призываем православных верующих жителей Москвы собраться вместе со святынями своих приходов на это церковное торжество и слиться в общей молитве, да сохранит Господь и впредь Своею милостию на радость и укрепление православного народа сию святую икону, осеняющую вхождение к святыням древнего Кремля» [53. Л. 2–2об.] (опубликовано: [44]).

Полностью симметрично с тем, как Церковный Собор предупреждал верующих против участия в манифестациях 1 мая, теперь к рабочим Москвы обратился Московский совдеп, постановив «Николин день считать рабочим днем». Председатель совета П.Г. Смидович заявил, что считает намеченный крестный ход «контрреволюционным и направленным против советской власти», и «призвал московский пролетариат провести этот день как день будний, не участвовать в шествии и не отходить от станков» [54. 22 (9) мая].

Газета «Заря России» описывала крестный ход следующим образом: «Вчерашнее церковное торжество, устроенное по инициативе союза православных приходов Москвы, оказалось по количеству участников и по той стройности, с какой оно прошло, беспрецедентным в истории церковной жизни последнего времени. <...> Торжество было подготовлено на местах целым рядом проповедей, в которых разъяснялось значение этого крестного хода. <...> К 11 часам Красная площадь настолько переполнена, что все прибывающие крестные ходы с трудом продвигаются сквозь живую чашу народа. Трамвайное движение прекратилось. <...> Ровно в 12 часов, по окончании литургии, из Казанского собора, с трудом продвигаясь сквозь толпу людей, процессия проходит к Никольским воротам, где и начинается молебствие, длившееся около часа. Во время этого молебна крестные ходы с разных сторон продолжают прибывать. Процессии прибывали до часу дня, проходя мимо патриарха. <...> Только с 2 часов дня начался отлив. Еще в 3 часа дня на Красной площади стояли группы людей. Наконец появились патрули, которые постепенно начали очищать площадь» [55. 23 (10) мая].

«Наше слово» писало, что «к 12 часам дня Красная площадь представляла сплошное море голов. Здесь были сотни тысяч народа. <...> По окончании молебствия патриарх Тихон оставался у Никольских ворот в течение двух часов, пропуская крестные ходы, благословляя и кропя святой водой духовенство и народ» [43. 23 (10) мая].

Крестный ход, который приобрел такой огромный, беспрецедентный масштаб, не мог не восприниматься в том числе и политически. Так, Н.А. Бердяев вспоминал об этом дне, неслучайно именуя крестный ход «церковной демонстрацией»: «В [19]18 году я участвовал в церковном шествии приходов с патриархом во главе. Эта церковная демонстрация приняла грандиозный характер» [56. С. 218]. Подобным образом, политически, оценивали событие и «Известия ВЦИК»: «Сегодняшний крестный ход является не столько церковным торжеством, сколько, применительно к условиям момента, очередным ходом в процессе собирания сил организующейся контрреволюции» [38. 22 (9) мая].

Журналист газеты «Свобода России», печатавшийся под псевдонимом «С-ъ», писал, что советскими властями были предприняты существенные меры к предотвращению беспорядков: «Вокруг Красной площади, на Никольской улице, на Театральной площади, у здания Думы – везде посты красноармейцев. У “Метрополя” – грузовики с пулеметами. У “розария” – конный спеппенный отряд. Кое-где летучие санитарные отряды.

На кремлевской стене, между зубцами, толпится любопытствующий гарнизон Кремля». Одновременно он сообщал о том, что в толпе «мальчишки продают листки – “Вразумление нечестивцам чудотворца Николая”» [52. 23 (10) мая]. К сожалению, содержание этих листовок неизвестно, но вполне вероятно, что под «вразумлением» подразумевалось именно «чудо с полотнищем».

Столкновение двух сакральностей – традиционной и революционной – сделали Московский Кремль пространством чрезвычайного символического напряжения. Почти одномоментное противостояние на Красной площади торжественно-траурной пролетарской манифестации и «чуда с полотнищем» стало своего рода «символической репетицией» надвигавшейся полномасштабной гражданской войны. Стихийные события у Никольской башни 1–2 мая и вызванный ими беспрецедентный успех уже хорошо организованного крестного хода 22 мая 1918 г. поставили поврежденную икону св. Николая в совершенно исключительное положение среди других московских (и, в частности, кремлевских) разрушений. После мая 1918 г. икона обрела особое и самостоятельное значение.

Именно тогда повреждения надвратного образа были истолкованы священноначалием Православной церкви как самодостаточный символ всех нанесенных революцией повреждений, а освобождение образа от красной завесы – как предсказание падения революционной власти. Наиболее вероятно, что около 22 мая родилась идея создания иконописного образа, в котором, подобно тому как это ранее делалось на иконах «малоярославецкого Спаса», были бы запечатлены следы обстрела. Как отмечал Г.Г. Прошин, «строго говоря, распространялась не икона, а живописное произведение на тему о ее повреждении» [57. С. 182]. Его

мысль отчасти верна, и хотя образ-копия, несомненно, является полноценной иконой, в то же время он действительно задумывался, создавался и распространялся именно как икона «на тему о повреждении».

Н.М. Турцова, современный исследователь искусства и духовной жизни Древней Руси, вглядываясь в историю русского иконописания, приходит к очень глубокому наблюдению: «известно немало примеров, когда новый иконографический вариант, появившись однажды, исчезает, оставляя лишь упоминание о себе в письменных источниках или единственный образец в изобразительном духовном наследии. Особенно часто такие памятники создаются в моменты активизации творческих процессов, типичных для сложной исторической эпохи. Продолжительность их существования далеко не всегда зависела от качества исполнения и даже явленных ими чудес: в ряде случаев отраженные в иконах проблемы либо теряли свою актуальность, либо особенности их прочтения, образов и символов становились непонятны мыслителям последующего времени. Образцы, которым предуготована короткая жизнь, представляют большой интерес, поскольку нередко именно в них дух времени засвидетельствован особенно ярко и живо» [58. С. 635].

В случае иконы, поднесенной епископом Борисом адмиралу А.В. Колчаку, действительно оказался «ярко и живо» засвидетельствован «дух времени», и этот образ в полной мере может быть охарактеризован как иконографический вариант, которому была «предуготована короткая жизнь». Реконструкция этой «короткой жизни» позволит дополнить историю как религиозной, так и политико-идеологической эволюции российского общества в сложнейшую из сложных эпох его исторического бытия, но будет предметом уже другого исследования.

Список источников

1. Журавлев В.В. «Политическая агиография» в Гражданской войне: структура биографических текстов в системе вождистского культа А.В. Колчака // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 4. С. 64–70.
2. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. 2-е изд. СПб.: Лики России, 2012. 320 с.
3. Морина Л.П. «Политическое» в современных дискурс-аналитических исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2015. № 4. С. 134–140.
4. Журавлев В.В. «Символ спасения»: репрезентация контрреволюционной диктатуры в очерках С.А. Ауслендера об А.В. Колчаке (I) // Исторический курьер. 2019. № 5 (7). С. 113–137.
5. Освобождение России (Пермь). 1919.
6. Журавлев В.В. Поездка А.В. Колчака на фронт 8–26 февраля 1919 года: идеологический дизайн // Развитие территорий. 2017. № 4 (10). С. 24–35.
7. Бартенев С.П. Московский Кремль в старину и теперь. Исторический очерк кремлевских укреплений. М.: Синодальная тип., 1912. Т. 1. 290 с.
8. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2005. 752 с.
9. Нечаева Т.Н. Некоторые иконографические типы святителя Николая Чудотворца Мирликийского в русской иконописи XVI–XIX вв. (по произведениям иконописной коллекции ЦАК МДА) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 3. С. 133–140.
10. Бурганова М.А. Образ Святителя Николая в церковном искусстве // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник Московской государственной художественно-промышленной академии им. С.Г. Строганова. 2017. Т. 1, № 2. С. 29–38.
11. Рындина А.В. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и центральная Русь XIV–XV веков. М.: Наука, 1978. 191 с.
12. Антонова М.В., Комова М.А. О протографе скульптуры Св. Николы Ратного, упомянутой в «Сказании о Николке Мценском» // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2 (65). С. 317–319.
13. Филарет (Гумилевский). Исторический обзор песнопевцев и песнопения греческой Церкви. 2-е изд., доп. Чернигов, 1864. X, 466, VI с.
14. Камалова А.А. Структура и смысл хайретизмов в акафисте святителю Николаю // Российский гуманитарный журнал. 2013. № 2. С. 142–145.
15. Акафист святителю и чудотворцу Николаю, архиепископу Мир Ликийских [на русском языке] / пер. иеромонаха Амвросия (Тимрот) // Собор Святой Живоначальной Троицы лейб-гвардии Измайловского полка. URL: <http://www.izmsobor.ru/ru/novosti/2-uncategorised/47-kondac>
16. Паламарчук П.Г. Сорок сороков. М.: Книга и бизнес; Кром, 1992. Т. 1. 416 с.
17. Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря / сост. и[еромонах] Л[ео]нид (Кавелин)]. СПб.: Тип. Я. Третья, 1863. 162 с.
18. Малоярославец: (очерки по истории города). Малоярославец: Отд. культуры администрации Малоярославецкого р-на, 1992. 149 с.
19. Асонов В.И. Город Малоярославец и юбилейные торжества в нем в 1912 году. Калуга: Тип. Е.Г. Архангельской, 1914. [4], 31, 26, [1] с.

20. Собрание русских икон из частной коллекции Игоря Колесова. URL: <http://georidericons.com/kolleksiya-spasov/ikona-spas-nerukotvorniy-13>
21. Дмитриева О.О., Иванова Т.Н. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года: дискуссии на страницах российских журналов в 1912 году // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 2. С. 42–50.
22. Эрлихман В. Праздник на краю пропасти: празднование в России 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года // Вокруг света. 2012. № 10. С. 168–176.
23. Лебедева Е.Н. Торжества по случаю 100-летия Отечественной войны 1812 года в документах Российского гос. архива кинофотодокументов // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 70–81.
24. Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 года / под ред. И.Ф. Цветкова. Калуга, 1912. 58, 112 с.
25. Кременский Н.В., свящ. Знаменитейший день 1812 года. Бой при Малоярославце. М. ; СПб. : Т-во И.Д. Сытина : Сел. вестн., 1912. 31 с.
26. Октябрьское вооруженное восстание в Москве // Великая Октябрьская социалистическая революция : энциклопедия / под ред. Г.Н. Голикова, М.И. Кузнецова. М. : Сов. энцикл., 1977. С. 401–407.
27. Грунт А.Я., Старцев В.И. Петроград–Москва. Июль–ноябрь 1917. М. : Политиздат, 1984. 280 с.
28. Московский Кремль после артиллерийского обстрела осенью 1917 года : фотографии. / авт.-сост. И.С. Пармузина. М. : ГИКМЗ «Московский Кремль», 2017. 91 с.
29. Гагкуев Р.Г., Репников А.В. Великая революция 1917 года : иллюстрированная летопись. М. : Эксмо ; Яуза, 2017. 224 с. (1917. К столетию Великой революции).
30. Гагкуев Р.Г., Репников А.В. Великий и страшный 1918 год : иллюстрированная летопись начала Гражданской войны в России. М. : Яуза-каталог, 2022. 400 с.
31. Кремль Московский // Великая Октябрьская социалистическая революция : энциклопедия / под ред. Г.Н. Голикова, М.И. Кузнецова. М. : Сов. энцикл., 1977. С. 270–272.
32. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир / предисл. В.И. Ленина и Н.К. Крупской. М. : Госполитиздат, 1957. 352 с.
33. Деяния Священного собора Православной Русской церкви. 1917–1918 гг. М., 1994. Т. 3: Деяния 31–40. 260 с.
34. Пармузина И.С. Фотографии последствий обстрела Московского Кремля в конце октября – начале ноября 1917 г. в собрании Музеев Московского Кремля // Сборник докладов конференции «Фотография в музее». 16–18 мая 2017 г. СПб., 2017. 199 с.
35. Нестор, еп. Камчатский. Расстрел Московского Кремля (27 октября – 3 ноября 1917 г.). М. : Общественная польза, 1917. 24 с.
36. Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М. : Крутицкое Патриаршее Подворье, 2005. 440 с.
37. Калинин Н. Вступление // Нестор Камчатский, еп. Расстрел Московского Кремля. М. : Столица, 1995. С. 5–27.
38. Известия ВЦИК (Москва). 1918.
39. Абрамов А.С. У Кремлевской стены. 6-е изд., доп. М. : Политиздат, 1984. 368 с.
40. Савин А.И., Тепляков А.Г. «Красные похороны». Новая похоронная обрядность в молодой советской России // Идеи и идеалы. 2021. № 3-1. С. 205–228.
41. Троцкий Л.Д. К истории русской революции / сост. Н.А. Васецкий. М. : Политиздат, 1990. 447 с.
42. Шаповалов С.Н. Особенности организации и проведения первого советского государственного праздника в 1918 г. // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 2. С. 30–34.
43. Наше слово (Москва). 1918.
44. Николин день в Москве. 1918 год / публ. Н. Кривошеевой. // Дневники. 2011. 28 июня. URL: <http://www.diary.ru/~sundayschool/p163510127.htm>
45. Сазиков А.В. Первые праздники советской власти // Революция в искусстве и новации в художественном образовании : материалы Междунар. науч. конф. памяти Александра Алексеевича Дубровина, ректора МГХПА им. С.Г. Строганова в 1999–2007 годах. М., 2017. С. 42–47.
46. Арсеньев Юрий Васильевич. Дневник. 1918. 17 апреля // Прожито. URL: <https://prozhito.org/note/676885>
47. Родина (Москва). 1918.
48. Кашеваров А.Н. «Советизация» кремлевских монастырей // История Петербурга. 2019. № 1. С. 65–69.
49. Орешников Алексей Васильевич. Дневник. 1918. 2 мая (19 апреля) // Прожито. URL: <https://prozhito.org/note/152421>
50. Ремизов Алексей Михайлович. Дневник. 1918. 1 мая // Прожито [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/note/404780>
51. Дурылин Сергей Николаевич. Дневник. 1918. 11 мая (28 апреля) // Прожито. URL: <https://prozhito.org/note/379626>
52. Свобода России (Москва). 1918.
53. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3431. Оп. 1. Д. 238.
54. Раннее утро (Москва). 1918.
55. Заря России (Москва). 1918.
56. Бердяев Н.А. Самопознание / подг. А.В. Вадимов. М. : ДЭМ ; Междунар. отношения, 1990. 336 с.
57. Прошин Г. Черное воинство. 2-е изд. М. : Политиздат, 1988. 352 с.
58. Турцова Н.М. Иконографический вариант «Богородица Вертоград заключенный»: проблема интерпретации // Труды Отдела древнерусской литературы / Рос. акад. наук, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. Т. 56. С. 635–657.

References

1. Zhuravlev, V.V. (2015) "Politicheskaya agiografiya" v Grazhdanskoj vojne: struktura biograficheskikh tekstov v sisteme vozhdistskogo kul'ta A.V. Kolchaka ["Political hagiography" in the Civil War: The structure of biographical texts in the system of A.V. Kolchak's leader cult]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 22(4). pp. 64–70.
2. Kolonitskiy, B.I. (2012) *Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda* [Symbols of power and the struggle for power: To the study of the political culture of the Russian revolution of 1917]. 2nd ed. St. Petersburg: Liki Rossii.
3. Morina, L.P. (2015) Concept "the political" in contemporary discourse analyses. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya – Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 4. pp. 134–140. (In Russian).
4. Zhuravlev, V.V. (2019) "Symbol of Deliverance": Representation of Counterrevolutionary Dictatorship in the Essays of S.A. Auslander About A.V. Kolchak (I). *Istoricheskiy kur'er – Historical Courier*. 5(7). pp. 113–137. (In Russian).
5. *Osvobozhdenie Rossii (Perm')*. (1919).
6. Zhuravlev, V.V. (2017) *Poezdka A.V. Kolchaka na front 8–26 fevralya 1919 goda: ideologicheskij dizayn* [A.V. Kolchak's trip to the front on February 8–26, 1919: An ideological design]. *Razvitie territoriy*. 4(10). pp. 24–35.
7. Bartenev, S.P. (1912) *Moskovskiy Kreml' v starinu i teper'*. *Istoricheskiy ocherk kremlevskikh ukrepleniy* [The Moscow Kremlin in the old days and now. A historical sketch of the Kremlin fortifications]. Vol. 1. Moscow: Sinodal'naya tip.
8. Pavel of Aleppo. (2005) *Puteshestvie Antiokhiyskogo Patriarkha Makariya v Rossiyu v polovine XVII veka, opisannoe ego synom, arkhidiakonom Pavlom Aleppskim* [Journey of Patriarch Macarius of Antioch to Russia in the middle of the 17th century, described by his son, Archdeacon Pavel of Aleppo]. Moscow: O-vo sokhraneniya lit. naslediya.
9. Nechaeva, T.N. (2001) Nekotorye ikonograficheskie tipy svyatitelya Nikolaya Chudotvortsia Mirlikyskogo v russkoy ikonopisi XVI–XIX vv. (po proizvedeniyam ikonopisnoy kolleksii TsAK MDA) [Some iconographic types of St. Nicholas the Wonderworker of Myra in Russian icon painting of the 16th–19th centuries (based on the works of the icon collection of the CAC MDA)]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 3. pp. 133–140.

10. Burganova, M.A. (2017) *Obraz Svyatitelya Nikolaya v tserkovnom iskusstve* [The Image of St. Nicholas in Church Art]. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik Moskovskoy gosudarstvennoy khudozhestvenno-promyshlennoy akademii im. S.G. Stroganova*. 1(2). pp. 29–38.
11. Ryndina, A.V. (1978) *Drevnerusskaya melkaya plastika. Novgorod i tsentral'naya Rus' XIV–XV vekov* [Old Russian small plastics. Novgorod and Central Rus' of the 14th – 15th centuries]. Moscow: Nauka.
12. Antonova, M.V. & Komova, M.A. (2015) O protografe skulptury Sv. Nikolay Ratnogo, upomyanutoy v “Skazanii o Nikole Mtsenskom” [About the protographer of the sculpture of St. Nikola Ratny, mentioned in the “Tale of Nikola Mtsensk”]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2(65). pp. 317–319.
13. Filaret (Gumilevskiy). (1864) *Istoricheskiy obzor pesnopenstv i pesnopeniya grecheskoy Tserkvi* [A historical review of hymns of the Greek Church]. 2nd ed. Chernigov: [s.n.].
14. Kamalova, A.A. (2013) *Struktura i smysl khayretizmov v akafiste svyatitelyu Nikolayu* [The Structure and Meaning of Khairisms in the Akathist to St. Nicholas]. *Rossiyskiy humanitarnyy zhurnal*. 2. pp. 142–145.
15. Anon. (n.d.) Akafist svyatitelyu i chudotvortsu Nikolayu, arkhiepiskopu Mir Likivskikh [na russkom yazyke] [Akathist to St. Nicholas the Wonderworker, Archbishop of the World of Lycia [in Russian]]. Translated by Hieromonk Ambrose (Timrot). In: *Sobor Svyatoy Zhivonachal'noy Troitsy leyb-gvardii Izmaylovskogo polka* [Cathedral of the Holy Life-Giving Trinity of the Life Guards of the Izmailovsky Regiment]. [Online] Available from: <http://www.izmsobor.ru/ru/novosti/2-uncategorised/47-kondac>
16. Palamarchuk, P.G. (1992) *Sorok sorokov* [Forty Magpies]. Vol. 1. Moscow: Kniga i biznes; Krom.
17. Kavelin, L. (1863) *Istoricheskoe opisanie Maloyaroslavetskogo Chernooostrovskogo Nikolaevskogo obshchezhitel'nogo monastyrja* [Historical description of the Maloyaroslavets Chernooostrovsky Nikolaev cenobitic monastery]. St. Petersburg: Tip. Ya. Treya, 1863. 162 s.
18. Koliakova, N.V. (ed.) (1992) *Maloyaroslavets: (ocherki po istorii goroda)* [Maloyaroslavets: (an essays on the history of the city)]. Maloyaroslavets: Department of Culture of the Administration of Maloyaroslavetsky District.
19. Assonov, V.I. (1914) *Gorod Maloyaroslavets i yubileyne torzhestva v nem v 1912 godu* [The city of Maloyaroslavets and anniversary celebrations in it in 1912]. Kaluga: E.G. Arkhangelskaya.
20. Anon. (n.d.) *Sobranie russkikh ikon iz chastnoy kolleksii Igorya Kolesova* [Collection of Russian icons from the private collection of Igor Kolesov]. [Online] Available from: <http://georidericons.com/kolleksiya-spasov/ikona-spas-nerukotvorniy-13>
21. Dmitrieva, O.O. & Ivanova, T.N. (2016) 100-letniy yubiley Otechestvennoy voyny 1812 goda: diskussii na stranitsakh rossiyskikh zhurnalov v 1912 godu [The Centennial of the Patriotic War of 1812: Discussions on the pages of Russian magazines in 1912]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 42–50.
22. Erlikhman, V. (2012) Prazdnik na krayu propasti: prazdnovanie v Rossii 100-letnego yubiley Otechestvennoy voyny 1812 goda [A holiday on the edge of the abyss: celebration in Russia of the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812]. *Vokrug sveta*. 10. pp. 168–176.
23. Lebedeva, E.N. (2012) Torzhestva po sluchayu 100-letiya Otechestvennoy voyny 1812 goda v dokumentakh Rossiyskogo gos. arkhiva kinofotodokumentov [Celebrations on the occasion of the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812 in the documents of the Russian State Archive of Film and Photo Documents]. *Vestnik arkhivista*. 3. pp. 70–81.
24. Tsvetkov, I.F. (ed.) (1912) *Yubileynyy sbornik v pamyat' Otechestvennoy voyny 1812 goda* [The anniversary collection in memory of the Patriotic War of 1812]. Kaluga: [s.n.].
25. Kremenskiy, N.V. (1912) *Znameniteyshiyy den' 1812 goda. Boy pri Maloyaroslavtse* [The most famous day of 1812. The Battle of Maloyaroslavets]. Moscow; St. Petersburg: I.D. Sytin.
26. Golikov, G.N. & Kuznetsov, M.I. (eds) (1977) *Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya* [Great October Socialist Revolution]. Moscow: Sov. entsikl. pp. 401–407.
27. Grunt, A.Ya. & Startsev, V.I. (1984) *Petrograd–Moskva. Iyul'–noyabr' 1917* [Petrograd – Moscow. July–November 1917]. Moscow: Politizdat.
28. Parmuzina, I.S. (2017) *Moskovskiy Kreml' posle artilleriyskogo obstrela osen'yu 1917 goda: fotografii* [The Moscow Kremlin after artillery shelling in autumn 1917: photographs]. Moscow: GIKMZ “Moskovskiy Kreml'.”
29. Gagkuev, R.G. & Repnikov, A.V. (2017) *Velikaya revolyutsiya 1917 goda: illyustrirovannaya letopis'* [The Great Revolution of 1917: An Illustrated Chronicle]. Moscow: Eksmo; Yauza.
30. Gagkuev, R.G. & Repnikov, A.V. (2022) *Velikiy i strashnyy 1918 god: illyustrirovannaya letopis' nachala Grazhdanskoy voyny v Rossii* [The Great and Terrible Year 1918: An Illustrated Chronicle of the Beginning of the Civil War in Russia]. Moscow: Yauza-katalog.
31. Golikov, G.N. & Kuznetsov, M.I. (eds) (1977) *Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya* [Great October Socialist Revolution]. Moscow: Sov. entsikl. pp. 270–272.
32. Reed, J. (1957) *Desyat' dney, kotorye potryasli mir* [Ten Days That Shook The World]. Translated from English. Moscow: Gospolitizdat.
33. The Orthodox Russian Church. (1994) *Deyaniya Svyashchennogo sobora Pravoslavnoy Russkoy tserkvi. 1917–1918 gg.* [Acts of the Holy Council of the Orthodox Russian Church. 1917–1918]. Vol. 3. Moscow: [s.n.].
34. Parmuzina, I.S. (2017) *Fotografii posledstviy obstrela Moskovskogo Kremlya v kontse oktyabrya – nachale noyabrya 1917 g. v sobranii Muzeev Moskovskogo Kremlya* [Photographs of the consequences of the the Moscow Kremlin shelling in late October – early November 1917 in the collection of the Moscow Kremlin Museums]. *Fotografiya v muzee* [Photography in the Museum]. Proc. of the Conference. May 16–18, 2017. St. Petersburg.
35. Nestor, Bishop of Kamchatka. (1917) *Rasstrel Moskovskogo Kremlya (27 oktyabrya – 3 noyabrya 1917 g.)* [The execution of the Moscow Kremlin (October 27 – November 3, 1917)]. Moscow: Obshchestvennaya pol'za.
36. Kashevarov, A.N. (2005) *Pravoslavnaya Rossiyskaya Tserkov' i Sovetskoe gosudarstvo (1917–1922)* [Orthodox Russian Church and the Soviet state (1917–1922)]. Moscow: Krutitskoe Patriarshee Podvor'e.
37. Malinin, N. (1995) *Vstuplenie* [Introduction]. In: Nestor, Bishop of Kamchatka. *Rasstrel Moskovskogo Kremlya* [The execution of the Moscow Kremlin]. Moscow: Stolitsa. pp. 5–27.
38. *Izvestiya VTsIK (Moskva)*. (1918).
39. Abramov, A.S. (1984) *U Kremlevskoy steny* [At the Kremlin Wall]. 6th ed. Moscow: Politizdat.
40. Savin, A.I. & Teplyakov, A.G. (2021) “Krasnye pokhorony”. *Novaya pokhoronnaya obryadnost' v molodoy sovetskoy Rossii* [The “Red Funeral.” New funeral rites in young Soviet Russia]. *Idey i idealy*. 3-1. pp. 205–228.
41. Trotsky, L.D. (1990) *K istorii russkoy revolyutsii* [On the history of the Russian revolution]. Moscow: Politizdat.
42. Shapovalov, S.N. (2011) *Osobennosti organizatsii i provedeniya pervogo sovetskogo gosudarstvennogo prazdnika v 1918 g.* [Organization and holding of the first Soviet state holiday in 1918]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2. pp. 30–34.
43. *Nashe slovo (Moskva)*. (1918).
44. Krivosheeva, N. (2011) *Nikolin den' v Moskve. 1918 god* [Nikolin's day in Moscow. 1918]. *Dnevnik*. 28th June. [Online] Available from: <http://www.diary.ru/~sundayschool/p163510127.htm>
45. Sazikov, A.V. (2017) *Pervye prazdniki sovetskoy vlasti* [The first holidays of Soviet power]. *Revolutsiya v iskusstve i novatsii v khudozhestvennom obrazovanii* [Revolution in Art and Innovations in Art Education]. Proc. of the International Conference. Moscow. pp. 42–47.
46. Arseniev, Yu. (1918) *Arseniev Yuriy Vasil'evich. Dnevnik. 1918. 17 aprelya* [Arseniev Yuri Vasilievich. A Diary. April 17, 1918]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/node/676885>
47. *Rodina (Moskva)*. (1918).
48. Kashevarov, A.N. (2019) “Sovetizatsiya” kremlevskikh monastirey [“Sovietization” of the Kremlin Monasteries]. *Istoriya Peterburga*. 1. pp. 65–69.

49. Oreshnikov, A. (2018) *Oreshnikov Aleksey Vasil'evich. Dnevnik. 1918. 2 maya (19 aprelya)* [Oreshnikov Alexey Vasilievich. A Diary. 1918. May 2 (April 19)]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/note/152421>
50. Remizov, A. (1918) *Remizov Aleksey Mikhaylovich. Dnevnik. 1918. 1 maya* [Remizov Alexey Mikhailovich. A Diary. 1918. May 1]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/note/404780>
51. Durylin, S. (1918) *Durylin Sergey Nikolaevich. Dnevnik. 1918. 11 maya (28 aprelya)* [Durylin Sergey Nikolaevich. A diary. 1918. May 11 (April 28)]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/note/379626>
52. *Svoboda Rossii (Moskva)*. (1918).
53. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 3431. List 1. File 238.
54. *Rannee utro (Moskva)*. (1918).
55. *Zarya Rossii (Moskva)*. (1918).
56. Berdyaev, N.A. (1990) *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow: DEM; Mezhdunar. otnosheniya.
57. Proshin, G. (1988) *Chernoe voystvo* [The Black Army]. 2nd ed. Moscow: Politizdat.
58. Turtsova, N.M. (2004) Ikonograficheskiy variant "Bogoroditsa Vertograd zaklyuchenny": problema interpretatsii [Iconographic variant of the "Virgin Vertograd Prisoner": The problem of interpretation]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 56. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 635–657.

Сведения об авторе:

Журавлев Вадим Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: vvzh@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zhuravlev Vadim V. – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vvzh@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.10.2022; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 16.10.2022; accepted for publication 11.11.2022